

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА ЛЮД

В этимологическом словаре М. Фасмера есть положение о том, что в русском мн. ч. *люди* образовано от ед. ч. *люд*¹. В истории чешского языка Ян Гебауэр аналогичным образом представлял связь между старочешским мн. ч. *l'udie* > *l'udé* (совр. *lidé*) и ед. ч. *l'ud* (совр. *lid*)². Это, однако, не подтверждается историческими фактами славянских языков и заслуживает к себе критического отношения. Мн. ч. *люди* в русском языке является исторически исконной формой вин. п., вытеснившей в ранний письменный период развития общенародного древнерусского языка праславянскую форму имен. п. *людие* (*ljudyje) склонения с основой на *-i-*. Подобные явления в развитии именных парадигм хорошо известны. Праславянский им. мн. ч. женск. р. склонения на *-ā-* типа *жены*, *страны* является в действительности исторической формой вин. п., а исконный им., реконструируемый для праиндоевропейского языкового состояния в виде *-*es* и отраженный в древнеиндийском окончании мн. ч. *-āḥ*, например, др.-инд. мн. ч. *aṣvāḥ* 'лошади', лит. *-os*, например, лит. мн. ч. *raĩkos* 'руки', в праславянском языке для основ на *-ā-* не реконструируется. Хотя в других типах склонения он может быть восстановлен, ср. им. мн. ч. склонения *i*-основы *ghōstei-es > *gōstijes > *gostije [ст.-слав. *гостіе*]). В значительно более позднее время — в период формирования грамматических норм национального русского языка — у имен мужского рода с основами, обнажившими твердый согласный после падения редуцированных, окончание вин. п. *-ы* типа *столы*, *сыны* вытеснило исконные окончания *-и* (например др.-рус. *столи*) и *-ове* (др.-рус. *сынове*, *волове* и под.). С другой стороны, ед. ч. *люд* является собирательным именем, не образующим в русском языке множественного числа³. Но главное то, что в древнерусском языке форма мн. ч. *люди*, распространившаяся на месте первоначальной, унаследованной из праязыка формы *l'udije* > *людье*, хронологически предшествовала появлению собирательного *люд*.

Мн. ч. *людие* в том или ином фонетическом виде фиксируется в письменных памятниках всех древних славянских языков и является праславянским по своему происхождению; ст.-слав. *людіе*, др.-рус. *людіе*, *людье*, ст.-серб. *людіе* > *људе* (вин. п. *људи*), ст.-чеш. *l'udie*, ст.-польск. *ludzіe* и другие восходят к праязыковой форме *leudhejes. Это слово имеет прямые и наиболее близкие соотвествия в балтийских и германских языках, ср. лит. ед. ч.

¹ Фасмер II, с. 545.

² Gebauer II, S. 286.

³ В польском языке от ед. ч. *lud* образуется мн. *ludy*, род. п. *ludów* (см. Linde II, S. 672), но в ином типе значения — 'народы', 'нации', ср. ст.-чеш. мн. ч. *l'udové*, род. п. *l'udův*, дат. п. *l'udům* 'народы'.

liáudis 'народ', 'люди'; лтш. мн. ч. *ļaudis*, др.-в.-нем. *liuti* 'народ', ср.-в.-нем. *liute*, совр. нем. *die Leute* 'люди', и таким образом является общей славяно-балто-германской изоглоссой. Вместе с тем дальнейшая связь с греческим, латинским и древнеиндийским указывает на индоевропейский характер основы. Об этимологическом значении ее в праславянском языке можно судить по данным готского языка: гот. *liudan* 'расти' показывает, что славяно-балто-германская основа **leud-* первоначально значила 'народившиеся, растущие'.

Рефлексы этой формы есть во всех современных славянских языках. Они составляют супплетивные единства с формами единственного числа в значении единичности от другой основы: рус. *человек* — *люди*, с.-хорв. *човек* — *људи*, словен. *človek* — *ljudje*, макед. *човек* — *љџе*, диал. мн. ч. *човеци*, польск. *człowiek* — *ludzie*, чеш. *člověk* — *lidé*, словц. *človek* — *ľudia*, в.-луж. *čłowjek* — *ludžo*, н.-луж. *śłowjek* — *luže* и т. д. В болгарском языке ед. ч. *човек* образует мн. ч. *човеци*, как и в древних славянских языках, ср. др.-рус. и ст.-слав. *чловѣкъ* — *чловѣци* и под. Мн. ч. *човеци* выражает простое множество единичных лиц. В значении собирательного множества применяются формы мн. ч. *люде* и *хора*. Мн. ч. *хора* по происхождению является собирательным именем единственного числа, заимствованным из греческого языка: греч. *χώρα* 'страна', 'земля', 'область'. В таком исходном значении и в грамматических формах единственного и множественного числа это слово функционирует еще в грамотах болгарских царей XII—XIII вв. Однако в период формирования национальных норм болгарского языка форма ед. ч. *хора*, получившая в речи собирательное значение 'народ', 'люди', была пересмыслена в форму мн. ч. подобно тому, как формами мн. ч. исторически стали древние славянские имена собирательные ед. ч. *братия* (или *братрия*), напр., рус. мн. ч. *братья*, польск. мн. ч. *bracia*, чеш. мн. ч. *bratři*, а также *господа*, болг. *деца* (из уменьшительной формы дѣтьца), др.-рус. *князья*, *шурья*, *зятья* и подобные, функционировавшие первоначально как формы множественного числа. Мыслительно-логическую основу этой трансформации в истории славянских языков составляет процесс обобщения и абстрагирования количественных понятий в мышлении и формализации — оформления парадигм грамматической категории числа в языке. В сущности это процесс преобразования лексических абстракций в грамматические, характеризующий развитие флективного строя.

Корреляция с ед. ч. *человек* повлияла на семантику мн. ч. *люди*. Поскольку эти два имени сблизились как грамматические формы. В сербском языке мн. ч. *људи* по смыслу соответствует немецким мн. ч. *die Menschen* и *die Leute*, лат. мн. ч. *homines*. Особенности состоит в том, что серб. мн. ч. *људи* наряду с обобщающим значением 'люди' выражает также значение 'мужчины', в котором оно антонимично множественному *жене*. Сочетание *жене* и *људи* в сербохорватском значит 'женщины и мужчины'. Это связано с тем, что слово *човек*, соотносительное с мн. ч. *люди* как грам-

матическая форма ед. ч., имеет значение 'мужчина' наряду с значением 'человек', как, например, и украинское *чоловік* 'мужчина', 'муж (супруг)'. Этот факт имеет значение для понимания той роли, какую играют в развитии семантики системно-парадигматические отношения и связи языковых единиц, и свидетельствует о системно-структурной обусловленности языковых значений.

Славянское мн. ч. *людие* образовано от ед. ч. **l'udъ* (основа на -i-), 'человек' в качестве грамматической формы мн. ч. По-видимому, к моменту появления славянской письменности слово **l'udъ* полностью вышло из употребления. В древнейших письменных памятниках славянских языков — старославянских, древнерусских, среднеболгарских, древнесербских и других оно уже не фиксируется.

Значение мн. ч., выражаемое праславянской формой *ljudyje, имело собирательный характер. Об этом объективно свидетельствуют типичные для собирательных форм парадигматические и синтагматические признаки, в частности, сочетаемость с собирательными числительными, например, ст.-слав. *дѣкои людїе*, др.-рус. *девятеро людєи* и под. В древних славянских языках имена собирательные ед. ч. также сочетались с собирательными формами числительных в счетно-количественных значениях; например: ст.-слав. *дєсѣтѣро братїѣѡ*, *сєдмєро братїѣѡ*, *трѣѡе братїѣѡ* и под., др.-рус. *осьмеро челяди*, *дѣвое скота*, с.-хорв. *петоро дѣѣце*, *четверо паунчади*, *двоје сирочади*, *двоје латинчади* (примеры из народных песен, собранных В. Караджичем), ст.-польск. *dwójce skota* (в познаньских судебных ротах XIV в.) и т. п. Показательно, что и имена *pluralia tantum*, обозначающие конкретные предметы, которые можно сосчитать, также сочетаются с собирательными числительными в счетных значениях (рус. *двое суток*, *четыре саней*, *двое вил* и под.), потому что по происхождению они обозначают множества, составляющие в совокупности и определенной системе одно целое, осмысленное как новый предмет. Так, мн. ч. *кола* 'повозка' этимологически значит 'колеса'. Совокупность колес, соединенных в определенной системе, была осмыслена как самостоятельный единый предмет, качественно отличающийся уже от простого множества колес. Равным образом мн. ч. *уста* образовано от ед. ч. *усто* (форма ед. ч. *оусто* встретилась нам в древнесербском Вукановом евангелии, л. 158а, 15—18, чеш. *ústo* отмечает Й. Юнгманн⁴), мн. ч. *дрова* — от ед. ч. *дрѣво* 'полено, дерево', ср. с.-хорв. ед. ч. *дрѣво*, болг. XVII в. *едно дрѣво*, совр. *дрѣво*; ст.-польск. мн. ч. *drwa owocna* 'плодовые деревья'; рус. мн. ч. *хоромы* (старорусское — в значении 'комплекс двора, усадьба') — от ед. ч. *хором*, ср. др.-рус. ед. ч. *хоромъ* 'любая жилая или хозяйственная постройка во дворе', ст.-серб. *храм* в Законе Винодольском (рукопись XV в.) употреблено в значении 'лавка', 'погреб', ср. словен. *hram* 'дом, помещение, кладовая, погреб', ст.-слав. *храмъ* и т. п.

⁴ Jungmann I, S. 46.

Логико-семантическую основу этих лексикализованных форм мн. ч., ставших именами *pluralia tantum*, составляет собирательная множественность.

На собирательное значение мн. ч. *людие* в древних славянских языках указывает также соотношение с единичным *людинъ*, образованным в качестве сингулятива после утраты славянскими языками ед. ч. *людь*. В противопоставлении сингулятивным формам находит свое выражение значение собирательности, ср. др.-рус. *господа—господинъ*, *роусь—роусинъ*, *литъва—литъвинъ*, *оугра—оугринъ* и т. п. В таком же соотношении функционируют и формы мн. ч.: *словѣне—словѣнинъ*, *българе—българинъ*, *оугре—оугринъ* и под. Они также имеют собирательные значения.

В старший праславянский период слово **ludь* совмещало, как можно полагать, два значения: собирательное 'люди' и единичное 'человек', различавшиеся в речевой ситуации, т. е. имело значение, которое можно определить как общее число. Значение общего числа генетически предшествовало в языках разных типов противопоставлению ед. и мн. ч., выражаемого самостоятельными, флективно различающимися формами. На единичное значение слова *людь* ясно указывает соответствие в прусском языке *ludis* 'человек' (в GrG: Mensch Ludis⁵), на собирательное — соответствие в современном литовском *liāudis* 'народ'. В славянском языке тематический детерминант *-i-* действительно использовался для выражения собирательных значений, например, *чадь*, *дѣть* (сохранившееся в старосербских грамотах) и особенно в этнонимах: др.-рус. *роусь*, *сърбь*, *корсь*, *проусь*, *чудь* и многих других.

Развитие грамматической категории числа и образование корреляций форм ед. и мн. ч. изменило первоначальный, древнейший способ представления количественных отношений и их выражение в языке. Категория числа получила формально-грамматический характер универсальной морфологической категории. В связи с этим форма *людь*, совмещавшая значения собирательной множественности и единичности, как неоднозначная, была вытеснена образованной от нее формой мн. ч. *людие*, а в значении единичности была образована сингулятивная форма *людинъ*. Ср. аналогично образованное мн. ч. *дѣти* вместо ед. ч. *дѣть*, вышедшего из употребления в современных славянских языках, но широко распространенного в старосербской письменности. Дальнейшая формализация грамматической категории числа вместе с абстрагированием количественных представлений привела к ослаблению собирательного оттенка множественности у формы мн. ч. *люди*. Утрачен сингулятив *людин*, поскольку отношение единичность—множественность, в котором единичность противостояла собирательности, сменилось более обобщенным и абстрактным отношением единственное—множественное число. В этом отношении собственно единичность, как неактуальная, не подчеркивается,

⁵ *Mažiulis V. Prūsų kalbos paminklai*, Vilnius, 1966, с. 249 (словарик Грунау).

а форма единственного числа имеет скорее номинативное назначение как именующая предмет. Этому отношению в большей мере стала соответствовать новая корреляция формы мн. ч. *люди* с формой ед. ч. *человек*, образовавших в разных славянских языках супплетивные пары. В свою очередь ед. ч. *человек*, вступившее в новое грамматическое противопоставление, утратило связь с первоначальной формой мн. ч. *человѣци*, которая почти полностью утратилась. В русском языке исключение составили формы косвенных падежей в количественно-именных сочетаниях типа *пять человек* и т. п., которые имеют значения простого, раздельного, количественно определенного множества лиц.

Что же касается слова *люд*, то оно в отличие от мн. ч. *люди* является довольно поздним образованием и в современных славянских языках стоит особняком от него. Прежде всего следует подчеркнуть, что оно не имеет общеславянского характера, в частности, не известно современным (как и древним) южнославянским языкам, исключая только словенский, и не отмечено в старославянской письменности. Невозможно говорить о праславянском происхождении этой формы. Раньше всего собирательное *люд* отмечается в западнославянских, прежде древнечешских, а затем и старопольских переводах христианских богослужебных книг — псалтыри, Ветхого Завета и евангелия, в частности в переводах первых двух книг Моисея *Genesis* и *Exodus*, а также в древних молитвах и песнях, духовных стихах. Ед. ч. *l'ud* содержится в отрывке древнечешского перевода евангелия от Иоанна: *umrieti pro lud* (XVIII, 14), лат. *populo*. Пергаментная рукопись содержит латинский текст с надстрочным переводом на чешский язык. По мнению П. Шафарика, подтвержденному позднее Я. Гебауэром⁶, этот перевод относится к X в. Ед. ч. *lud* отмечено в одном из ранних памятников польского языка — Свентокжизских проповедей (XIV в.): *tysocy luda poganskego* (karta a), *stuuraki(m) lude(m)* (karta b); здесь же мн. ч. род. п.: *ludy g(re)snih*.

Как показывает лингвистическое изучение западнославянских переводов с латинского, в старочешской и старопольской письменности древнейшей поры мн. ч. *l'udie* и ед. ч. *l'ud* выступают рядом, как равноценные — без каких-либо различий в значении, соответствуя формам ед. или мн. ч. латинского *populus* — мн. ч. *populi*; единственным *l'ud* переводятся также существительные *gens* и *plebs*, множественным — мн. ч. *homines*, *gentes*, *populi*. Выбор формы ед. или мн. ч. последовательно определяется формами ед. или мн. ч. латинского первоисточника. Обе формы выражали собирательное понятие 'народ', 'люди'. Древнее чеш. и польск. собир. *l'ud* образовано как грамматическая (словообразовательная) калька с латинского ед. ч. *populus* в соответствии с латинским соотношением ед. ч. *populus* — мн. ч. *populi*. Ср. лат. *et super populum tuum benedictio tua* (Vulgata, ps. 3) и ст.-польск. *nad ludem twogim*

⁶ Gebauer J. Staročeský zlomek Evangelia svato-Janského a filologická svědectví o jeho původu. V Praze, 1881, S. 136.

poszeqnanie twoie (Флорианская псалтырь), nad *ludem* twim (молитвы Вацлава, 119). Равным образом в старочешских переводах псалтыри ед. ч. *l'ud* соответствует лат. ед. ч. *populus*, тогда как мн. ч. *l'udie* — лат. мн. ч. *populi*. Примеры (из Музейной псалтыри около 1300 г.): *Wzefli ludie* (133 b. 14) — *populi*; *lud twoy* (134 a. 16) — *populus tuus*; *lud* (137a. 21) — *populus*.

Подобным же образом в древних славянских переводах греческих богослужебных книг (старославянской письменности) в формах ед. и мн. ч. — параллельных, не соотносительных друг с другом — употребляется слово *народъ* (мн. ч. *народи*) в соответствии с греч. *ὄχλος* 'множество, масса, толпа', не различаясь в значениях: По немъ наж народи мнози (Мф. VIII. 33 Саввина книга); Видѣхъ же народи дикыи еа (Мф. IX. 37 там же); Мнози же народи постлаша ризы свои по пѣти (Io. XI. 84 там же); народи же ходаци прѣдъ нимъ (Io. XI. 84 там же) и др. Здесь же в том же значении — формы ед. ч.: Мноз ми естъ народъ. ако третии днѣ пристѣдѣтъ ма (Мф. XV. 40 там же); Разоумъ же народъ многъ (Io. XII. 85) и многие подобные. Слово *людие* здесь имеет только форму мн. ч.: много люди (Лк. VI. 132).

Широкое первоначальное значение слова *народъ* 'происхождение, нарождение, порода' и 'народившиеся, потомство, род' (ср. ст.-слав. *народъ* люди, *народъ* оученикъ, в польском языке XVI в.: *z narodu* *królów* *Polskich*, в старочешском и старопольском языках *narod* также и по отношению к животным, например, чеш. *všeliký národ* *rybí*) исторически сузилось до значения, синонимичного множественному *люди*. Поэтому слово *народ* действительно могло явиться морфологическим образцом или моделью для образования собирательного *люд* в том же значении, как это предполагал В. Махек⁷. Однако калькирование возможно было и без такого влияния.

Хотя слово *люд* образовано явно искусственно, оно органично усвоено западнославянскими языками и встречается уже в древнейших оригинальных письменных памятниках, в частности в польских судебных ротах XIV в., отражающих характерные особенности народной речи. Уже в старший письменный период происходит размежевание значений ед. ч. *l'ud* и мн. ч. *l'udie*. Они четко осознаются как самостоятельные слова с собственными морфологическими признаками и лексическими значениями. В старочешской и старопольской письменности мн. ч. *l'udie* выражает общее, нейтральное значение множественности, включая и разделительное, а собирательная форма *l'ud* обозначает 'народ', 'население, народные массы' и употребляется в противопоставлении массы, народа как целого (племени, войска, подданных, верующих) правителю — князю, вождю, богу. Тем самым подчеркивалась противоположность личности и народных масс. Этому в наибольшей мере соответствует его собирательное значение,

⁷ *Machek*¹, S. 268.

У восточных славян слово *люд* впервые фиксируется в переводной славяно-русской книжности на рубеже XIV—XV вв. И. И. Срезневский отмечает его в книге Иисуса Навина: Оукрѣпись весь *людъ* гнати в слѣдъ ихъ (Иис. Нав. VIII. 16)⁸. В общенародные системы староукраинского и старобелорусского языков собир. *люд*, заимствованное из польского, входит наиболее активно со второй половины XV в. через посредство западнорусского книжного языка в переводах с польского, хотя отдельные факты употребления его относятся уже к концу XIV в. Это слово отмечается, например, в западнорусском переводе Жития св. Алексея и Повести о трех королях-волхвах (к. XV в.). Западнорусский перевод Жития св. Алексея сделан с западнославянского (польского или чешского) варианта, восходящего к латинскому источнику *Legenda aurea*. Но особенно широко ед. ч. *люд* распространено в старобелорусских переводах Александрии (списки XVII в.). Основу старобелорусских текстов Александрии составляет польский перевод латинской «*Historia Alexandri Magni regis Macedoniae de proeliis*». В полном Ленинградском списке конца XVII в. ед. ч. *люд* отмечено 111 раз, а мн. ч. *люди* — только 48. Но это характерно именно для тех вариантов Александрии, которые связаны с польским источником. Напротив, в русском варианте сербской Александрии по списку ГПБ собрания Кирилло-Белозерского монастыря⁹ и в белорусском Курницком списке XVI—XVII вв.¹⁰, также не связанном с польской редакцией, собир. *люд* вообще отсутствует.

Показательно также, что в староукраинских грамотах XIV—XV вв., наиболее близких к нормам народной речи, слово *люд* почти не употребляется. Единственное исключение из обследованных источников составляет присяга молдавского воеводы Романа на верность польскому королю Владиславу (Сучава, 1393 г.), в которой содержится выражение *про далекость нашего люда*¹¹, явно заимствованное из польского с обычным для него значением, противопоставляющим личность правителя массе подданных. В староукраинских грамотах XIV в. нормой является мн. ч.: им. п. *люде*, род. п. *людий*, дат. п. *людемъ*, вип. п. *люди*, твор. п. *людьми*. Употребление мн. ч. отличается регулярностью и высокой частотностью. В письменности XVI в. это слово встречается еще редко. Так, в русском переводе латинского сельскохозяйственного трактата Петра Кресценция «Назиратель» (непосредственный источник перевода — польский текст середины XVI в., перевод отражает некоторые черты живой староукраинской речи XVI в.) собир. *люд* отмечено только 1 раз, а мн. ч. *люди* — 66 раз. Более широкое

⁸ Срезневский II, стб. 95.

⁹ См.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.—Л., 1965.

¹⁰ См.: Александрия. Рэд. В. І. Баркоўскі. Складальнік У. В. Авічэнка. Мінск, 1962, с. 152—258.

¹¹ Пам'ятки української мови. Грамоти XIV ст. Відповідальний ред. В. М. Русанівський. Київ, 1974, с. 120.

распространение в русском языке ед. ч. *люд* получает в XVII в., очевидно, под влиянием украинского языка. Оно отмечено в Донских делах и в повести об Азовском осадном сидении, язык и стиль которых отличаются некоторые южнорусские черты. В то же время оно отмечается и в московской письменности.

В современном русском языке слово *люд* относится к пассивному запасу лексики. В Словаре русского языка, составленном С. И. Ожеговым, указано на устаревший характер данного слова. Скорее, думается, следовало бы сказать об ограниченном применении его как в письменной, так и в устной речи, что определяется значением, которое выразительно проявляют сочетания со словом *люд* таких определений, как *трудоуой, трудоующийся, рабочий, простой, бедный* и под.

Таким образом, в восточнославянских языках — русском, украинском и белорусском слово *люд* является книжным заимствованием из польского языка.

Источники

- Ј. Врана. Вуканово еванђеље. Београд, 1967.
Закон Винодольский. Труд В. В. Ягича. СПб., 1880.
Саввина книга. Труд В. Щепкина. СПб., 1903.
Modlitwy Wacława. Zabytek języka polskiego z XV w., ed L. Malinowski. W Krakowie, 1875.
Kazania t. zw. Świątokrzyskie. Wydali i opracowali Jan Łoś i Wł. Semkowicz. Kraków, 1934.
Psalterii Florianensis partem Polonicam ad fidem codicis recensuit etc. Wł. Nehring. Poseniae, 1883.
Nejstarší památky jazyka i písemnictví českého. Vydal V. Flajšhans. Díl I Prolegomen a texty. V Praze, 1903.

Т. В. Горячева

К ЭТИМОЛОГИИ РУС. ДИАЛ. *МОТРОШИТЬ*

Глагол *мотрошйтъ* представлен в словаре В. И. Даля с пометой сиб. в значении '(о снеге) перепадать', арханг. 'худо торговать, переторговывать', яросл.-пошехон. (с вопросом к слову) 'нашептывать, ворожить и колдовать'¹; Куликовский приводит олон. *мотрошйтъ* в значении 'перебиваться', 'заниматься чем-либо ради добывания средств к жизни'²; в новосибирских говорах *мотрошйтъ* значит 'моросить'³, в смоленских говорах *заматрашйтъ* — 'начать крапать (о дожде)', 'затерять'⁴, в об-

¹ Даль³ II, стб. 919.

² Куликовский, с. 56.

³ Новосибир. словарь, с. 293.

⁴ Добровольский, с. 243.